

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ ФАКТОРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИММИГРАНТСКОМ ДИСКУРСЕ

На материале фрагментов, отражающих особенности общения представителей коренного англоязычного населения с представителями иммиграции, рассматриваются тенденции в области взаимодействия когнитивных факторов, обеспечивающих оформление коммуникативной парадигмы в сфере современного англоязычного иммигрантского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, иммигранты, этнические и расовые факторы, базовые понятия и когнитивные модели.

Научное лингвистическое осмысление механизма взаимодействия информационных составляющих когнитивных моделей, обеспечивающих эффективность коммуникации в условиях взаимодействия дискурсов, продиктовано необходимостью комплексного исследования современных дискурсивных практик, которые отличаются разнообразием форматов и охватывают широкий спектр проблем, раскрывающих базовые понятия современного англоязычного социума. В связи с этим в рамках настоящей работы представляется целесообразным рассмотреть особенности англоязычного иммигрантского дискурса, существование которого сопровождается интердискурсивными вкраплениями, что создает объективные предпосылки для систематизации знаний о тенденциях в процессе вербализации понятий, интерпретирующих реальность современной иммигрантской сферы.

В последние годы иммиграция и связанные с ней вопросы иммиграционной политики превратились в сложную проблему, решение которой требует пристального внимания как со стороны административного аппарата и обычных граждан, так и со стороны специалистов, способных выявить и обосновать достоверные причины коммуникативных сбоев в иммигрантском дискурсе, который отличается полифоничностью и многообразием функциональных характеристик. Проникновение иммигрантского дискурса практически во все сферы человеческой жизнедеятельности предполагает оптимальное распределение ролей в различных его сегментах. Если для официального государственного служащего или чиновника наибольшую важность приобретают поиски эффективных путей решения проблемы, то для политика в первую очередь необходимо обозначить проблему в ряду других, адекватно ее оценить, пропагандировать собственное видение этой проблемы и предложить соответствующее решение. Для средств массовой информации приоритетны такие позиции, как сбор актуальной информации, ее оперативная обработка, достоверная оценка и распространение в широких масштабах. Академическому работнику или специалисту в области миграционных процессов интересен анализ проблемы, обсуждение вариантов ее решения в контексте соответствующего опыта, однако манипулятивная функция не является ведущей в академическом

* © Харьковская А.А., Шевченко В.Д., 2012

Харьковская Антонина Александровна (aax2009@mail.ru), Шевченко Вячеслав Дмитриевич (slash99@mail.ru), кафедра английской филологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

дискурсе. На бытовом уровне иммигрантский дискурс принимает совершенно иной вид, так как в этом случае ролевая структура коммуникантов может радикально меняться, трансформируясь из массово-ориентированного в личностно-ориентированный, поскольку отдельные граждане могут быть радикальны в своих суждениях и оценках, однако этапы выбора наиболее эффективного способа решения проблемы и оценки возможных последствий такого выбора обычно не входят в бытовую коммуникативную парадигму. Подобное различие функций предопределяет сегментацию и дифференциацию иммигрантского дискурса, что обусловлено различиями в образовательном статусе иммигрантов, их поведенческими стратегиями, оценками собственных социальных ролей, менталитетом и другими факторами. Несмотря на то что англоязычный иммигрантский дискурс фактически актуализируется на пересечении вышеперечисленных типов дискурсивного пространства, одна из составляющих, посредством которой он оформляется в единое целое, остается сквозной практически во всех сегментах рассматриваемого дискурса. Эта составляющая традиционно представлена этническими и расовыми факторами, которые играют ключевую роль в создании и реализации англоязычного иммигрантского дискурса в наши дни.

Связь между отдельными концептами в границах англоязычного иммигрантского дискурса осуществляется на различных уровнях языковой структуры. Иммигрантский дискурс обнаруживается как в межличностной коммуникации, так и в условиях вербально оформленных контактов с массовой аудиторией. При этом именование представителей иммиграционной диаспоры осуществляется различными способами:

а) генерализация при необходимости обозначить феномен иммиграции в целом, например: *Most of the recent population growth has been driven by rising net immigration of foreign nationals (The Economic Impact of Immigration. Volume 1: report, published by the Authority of the House of Lords. April, 1. 2008);*

б) конкретизация для обозначения профессионального статуса или вероисповедания: *Since claiming the top spot among all immigrant groups in the 1980 census, the Mexican immigrant population in the United States has continued to outsize other immigrant groups (Aaron Terrazas. Migration Policy Institute. February 2010).*

Перечень номинативных средств для обозначения представителей иммиграции значительно расширяется в разновидностях массмедийного дискурса, представленных фрагментами современных художественных кинофильмов, предназначенных для широкой аудитории, поскольку тексты сценариев обычно не отличаются строгим лексическим и стилистическим форматированием. Причем в ряде случаев используемый авторами фильмов набор языковых средств может быть оскорбительным для иммигрантов, т. к. подчеркивает их криминальные наклонности или необразованность, их дистанцированность от коренного населения. Например: а) *The derogatory term «prawn» is used. Obviously, it implies something that is a bottom feeder that scavenges the leftovers (District 9 Script);* б) *I need you to learn about these savages, gain their trust (Avatar Script);* в) *Only reason black people steal from their own is 'cause they terrified of white people (Crash Script);* г) *If they were from another country, we might understand but they are not even from this planet at all (District 9 Script).* Реализация смысла «дистанцированность» в рамках англоязычного иммиграционного дискурса обеспечивается целенаправленным использованием системы местоимений, позволяющей очевидно продемонстрировать иерархию партнеров по общению: коренное население традиционно отождествляется с первым грамматическим лицом, а представители иммиграции — с третьим.

Т. ван Дейк отмечает, что исследование разговоров, языка средств массовой информации, учебников и других типов дискурса показало, что потенциально бес-

конечное число тем и вопросов, текстов и разговоров о меньшинствах или иммигрантах, как правило, концентрируется вокруг трех тематических групп [1, с. 351]. Первая группа тем обнаруживается в сочетании иммигрантского дискурса с массмедийным и бытовым, она охватывает круг вопросов, связанных с непохожестью иммигрантов, их дистанцированностью от коренного населения. На первый взгляд, такая трактовка представляет иммигрантов в положительном ракурсе, однако анализ фактического материала из корпуса выборки свидетельствует о совершенно противоположной оценке иммигрантской диаспоры, когда даже их самобытность может быть истолкована в негативном свете:

Randy: Oh, I'm sorry, I thought you were a wax sculpture.

Mexican janitor: Naw, man. I'm the janitor. I'm s'pose to be cleaning but I'm so tire. Ongh, so sleepy (South Park. Episode 614).

Когнитивная база коммуникативных ситуаций второй группы характеризует поведение иммигрантов как девиантное, что подтверждается примерами с эмоционально маркированными комментариями в адрес иммигрантов со стороны представителей коренного населения. Например, возмущение неспособностью иммигрантов мексиканского происхождения соблюдать правила вождения автомобиля отчетливо проявляется в реплике одного из персонажей американского фильма: *My fault? Stop in the middle of street! Mexicans do not know how to drive (Crash Script)*. Обращает на себя внимание тот факт, что обвинения адресованы всем мексиканцам, а не конкретному человеку, который нарушил дорожные правила и вызвал гнев американского водителя. Подобная поляризация предполагает, что все иммигранты из Мексики одинаково безграмотны в этих вопросах, а американец может судить об этом в силу своего уникального индивидуального опыта.

Третья группа тематически объединенных англоязычных дискурсивных практик, зарегистрированных в иммигрантском дискурсе, касается острых проблемных ситуаций, угрожающих жителям страны, принимающей иммигрантов. Следует подчеркнуть, что негативная оценка эксплицитно присутствует в иммигрантском дискурсе на лексическом уровне, что подтверждается использованием языковых единиц соответствующей негативной семантики:

a) – *Decent hard-working Americans like my dad are getting rubbed out by social parasites. – Parasites?*

– *Blacks, browns, yellow, whatever (American History X Script).*

b) – *I know all the sociological reasons why per capita eight times more black men are incarcerated than white men (Crash Script).*

Нередко для формирования необходимого мнения используются цифры и статистические данные. Это один из самых действенных и самых распространенных манипулятивных инструментов, которыми располагают политический и массмедийный дискурсы. Приведение каких-либо данных всегда подразумевает еще один манипулятивный прием, позаимствованный из рекламного дискурса, – отсылку к внешнему источнику, символизирующему независимого, а следовательно, незаинтересованного и непредвзятого эксперта, способного предоставить информацию, лишённую какой-либо эмоциональной оценки, например:

According to data from the Office for National Statistics, youth unemployment in the UK increased from 575,000 in the first quarter of 2004 to 1,016,000 in the third quarter of 2011.

Over the same period, the number of workers from the A8 countries which joined the EU in 2004 – Poland, the Czech Republic, Hungary, Slovakia, Slovenia, Estonia, Latvia and Lithuania – grew by 600,000 (URL: <http://www.bbc.co.uk>, Youth unemployment link to immigration rise questioned. 9 January 2012).

Имплицитность, разумеется, может сохраняться в той или иной мере. В таком случае используется подходящая метафора, сравнение или иной речевой оборот. Иммиграция часто описывается с помощью военной метафоры вторжения:

At first in the 70s, the flow included 8,000 arrests of illegals per month in one sector of Arizona with an estimated 16,000 "got aways", but they were all cheap labors and prospective voters. How safe are Americans from this invasion? (URL: <http://www.rense.com>, Immigration Invasion – View From A Border, Patrol Officer Commentary, By Frosty Wooldridge. May 25, 2004).

Аналогично большие группы иммигрантов или лиц, ищущих убежище, описываются не просто как многочисленные, они сравниваются с угрожающим количеством воды или снега, в которых можно утонуть: волнами, наводнениями, лавинами и т. д., например:

*When the E.U. expanded to include the Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Slovakia, and Slovenia in 2004 – and then Bulgaria and Romania in 2007 – there were fears that a **deluge** of cheap workers from the east (the so-called «Polish plumbers») would **swamp** richer E.U. labor markets. That **flood**, however, turned out to be more like a **trickle**, and a large number of people who did migrate eventually returned home (URL: <http://www.time.com>, Four E.U. Nations Stoke Fears of an Immigrant Flood, By Bruce Crumley. August 14, 2010).*

В этих целях используется и так называемая «игра чисел», которая широко применяется в политике и средствах массовой информации, акцентируя внимание реципиентов на постоянно увеличивающемся потоке иммигрантов в страну:

Low-skilled Immigrants invade the UK. Currently, as much as 20 % of all low-skilled jobs are taken by non-UK workers. In 2002 this figure was twice as low, at 9 % (URL: <http://www.moneyavenue.co.uk>, Low-skilled Immigrants Invade the UK. 03 June, 2011).

Обыгрывание стереотипов – один из самых распространенных приемов, используемых в рамках третьего сегмента. Стереотип – это предрассудок, априорное суждение, оценка или вывод, сделанный еще до того, как человек получил исчерпывающие данные, касающиеся того или иного вопроса. В иммигрантском дискурсе стереотип – это аллюзия или метафора, чаще всего имеющая расистскую или этническую направленность, целью которой является лишение иммигрантов индивидуальности и объединение их всех на основании какого-либо одного сомнительного признака. Стереотипы встречаются в темах первого класса, где подчеркивается непохожесть иммигрантов и, следовательно, их дистанцированность от представителей коренного населения. Подобная игра на стереотипах может расцениваться как оскорбительная или преуменьшающая достоинства тех или иных этнических групп, поэтому крайне нежелательна на первом и втором уровнях, например:

*That waitress sized us up in two seconds. We're black, and **black people don't tip**. She wasn't gonna waste her time (Crash Script).*

*Cartman: Token! Get the bass guitar out of your basement and meet me over at my house!
Token: What?! We don't have a bass guitar.*

*Cartman: **Your family's black, Token! There's bound to be a bass guitar in your basement somewhere!** (South Park. Episode 709).*

Повтор и его разновидности (анафоры, эпифоры, повторы на всех языковых уровнях) являются одним из наиболее частых средств, которые можно обнаружить при анализе текстов и высказываний в рамках иммигрантского дискурса. Повторы помогают избежать сухости обычного перечисления, позволяют градуировать рассматриваемые элементы, придают экспрессивность, используются с целью фокусирования внимания слушающего, поддерживают ритмичность высказываний, служат средством выражения иронии. Риторические вопросы и восклицательные предложения также являются довольно распространенными средствами, например:

– The firefighter. The one who saved the camp or something. Northridge. What's his name?

– He's Iraqi.

*– **He's Iraqi?** Well, he looks black.*

– *He's dark-skinned, sir, but he's Iraqi. His name's Saddam Khahum.*

– *Saddam? His-His name's Saddam? That's real good, Bruce. I'm gonna pin a medal on an Iraqi named Saddam (Crash Script).*

Из примеров следует, что на пересечении этнического и массмедийного типов дискурсивного пространства особенно выделяется этнический фактор, поскольку в границах иммигрантского дискурса социокультурные, расовые, религиозные и этнические различия чрезвычайно важны как для представителей коренного населения, так и для представителей иммиграции.

В нашей выборке также содержатся примеры, в которых отношение к проблемам иммиграции выражается посредством цитат, репрезентирующих когнитивные и коммуникативные составляющие дискурса-источника цитаты. Восприятие данных составляющих помогает оказать определенное воздействие на сознание реципиента, т. е. убедить его в авторской точке зрения. Так, в статью «*The New Cultural Nationalism*» Ричарда Медли, в которой речь идет о победе националистических партий на выборах в парламенты Франции и Нидерландов, включен фрагмент публичного выступления папы римского Урбана II: «*Indeed, it's very much like the exhortation Pope Urban II used on the first Crusaders from the pulpit in Clermont. "Race of Franks, you must come to know the imminent peril threatening you and all the faithful. A race from the kingdom of Persia has invaded the lands of Christians." Urban drove home his point by calling on the spirit of Charlemagne to justify the Crusade: the last leader to unite Europe in anything like the geographic reach that the European Union stands close to achieving today*» (*Newsweek*. May 6, 2002. P. 23).

Во включенном фрагменте ораторского дискурса репрезентируется макроситуация *crusade*. Под макроситуацией мы понимаем развернутую ситуацию, включающую в себя несколько ситуаций. Модель данной макроситуации включает в себя несколько моделей разных ситуаций («подготовка похода», «переход», «битва», «сооружение укреплений» и т. п.), которые, тем не менее, связаны причинно-следственными отношениями и объединены одной общей целью. В представленном фрагменте репрезентируется ситуация «произнесение проповеди», которая является важной составляющей процесса подготовки крестового похода, поэтому в данном случае можно говорить о частичной реализации модели макроситуации *crusade*. Модель репрезентируемой ситуации «произнесение проповеди» включает в себя следующие компоненты, знаки которых содержатся в тексте:

– участники: оратор, религиозный лидер, побуждающий к совершению определенного действия, а именно вдохновляющий крестоносцев на поход (*Pope Urban II*), его аудитория – рыцари-крестоносцы (*the first Crusaders*). Следует отметить, что участниками данной социокультурной ситуации общения является весь французский народ (*race of Franks*). Обращаясь к нации в целом, оратор, таким образом, подчеркивает избранность крестоносцев, на которых возлагается миссия защиты своего народа от угрожающей ему опасности (*a race from the kingdom of Persia has invaded the lands of Christians*);

– действие: публичное выступление, чтение проповеди;

– место выступления (*the pulpit in Clermont*);

– обстоятельства: причина крестового похода (*a race from the kingdom of Persia has invaded the lands of Christians*).

В цитате оценка выражается путем сочетания прилагательного и существительного, обозначающего крайне негативные последствия, т. е. опасность, которую представляет объект оценки для участников ситуации (*imminent peril*). Объектом оценки являются действия другого участника (*a race from the kingdom of Persia has invaded the lands of Christians*). Смыслы, содержащиеся во включении, указывают на аксиологический доминантный компонент ситуаций, отраженных во включенном и принимающем текстах.

В принимающем тексте, репрезентирующем публицистический дискурс, реализуется модель ситуации «выборы», компоненты которой наполняются конкретной информацией при помощи языковых средств. Рассмотрим основные компоненты данной модели:

– участники: избиратели стран европейского общества (*voters, European voters*), характеристики некоторых из них, например, их политическая активность, профессиональная деятельность (*who have never before taken an interest in politics, thugs, people who compete with them [immigrants] for unskilled and semiskilled jobs*), а также их взгляды и представления об иммигрантах (*Voters understand that if lots more people come to enjoy their benefits, then they will have to cut back benefits to themselves*); политики (*Jean-Marie Le Pen, Pim Fortuyn*), их характеристики, например, взгляды и убеждения, указания на противников (*Le Pen is not campaigning against foreigners because they are culturally different and disturbing. He's an old-fashioned thuggish fascist who hates people with different skin colors and gets votes from people who compete with them for unskilled and semiskilled jobs. <...> Pim Fortuyn, the extremely appealing anti-immigrant standard-bearer in May's Dutch elections, is harder to dismiss. And more frustrating, since he is even harsher on immigration than Le Pen. He demands that any government he joins adopt his Zero Tolerance for new immigration. This is the future of European anti-immigrant (and most especially anti-Muslim) sentiment. Fortuyn is neither anti-black nor even anti-Muslim – so long as these groups agree to become cultural and political Europeans. His argument is more subtle and more dangerous: Muslims who have flooded into the Netherlands in the wake of the 1993 open-border Schengen Treaty endanger the country's tolerant, modern European culture. These immigrants, he argues, practice an anti-feminist, anti-tolerant, backward-looking religion. What's worse, he suggests, their version of Islam seeks to convert infidels – and that means the Dutch way of life goes out the door if they succeed*); политические обозреватели (*commentators*), их мнения (*Commentators paint Le Pen as the poster boy for anti-immigrant rage. In fact, he is not representative of this new wave*);

– выступления политиков, содержащие риторические средства, такие как различные способы аргументации, одним из которых является проведение исторических параллелей (*Fortuyn is tapping into the deepest roots of European religious history, beginning a few centuries after Islam emerged as an independent political and cultural force*). Оратор, говоря об исламе сегодня, обращается к истории взаимоотношений между европейским обществом и исламским миром;

– действия, совершаемые в рамках данной ситуации: процесс голосования и время его проведения (*May's Dutch elections*), опрос общественного мнения, его результаты (*According to polling that will be released this week, Fortuyn is now in a dead heat with the two main-party candidates, and he won this position by bringing in voters who have never before taken an interest in politics*) и т. д.;

– результат действия (голосования): набор определенного количества голосов избирателей, позволяющего участвовать в следующем туре выборов (*It was thus historically resonant when Jean-Marie Le Pen took up the cudgels against Islamic immigrants by limping into second place in the first round of the French elections*).

В ситуации ораторского дискурса субъект А отрицательно оценивает событие В. В ситуации публицистического дискурса субъект С подвергает отрицательной оценке событие D. В принимающем тексте оценка выражается посредством однокоренных прилагательного и существительного, обозначающих опасность с точки зрения субъекта оценки. Объектом оценки являются религиозные убеждения других участников. Оценочные смыслы во включенном и принимающем текстах указывают на отношение участников ситуации к представителям иной религии, что свидетельствует о наличии аксиологической доминанты в моделях ситуаций: «*European voters understand that the integration process now underway will weaken*

*individual national cultures across the continent. That's **threatening** and makes the idea of a "European culture" more important than at any time in recent history. It opens the door for Fortuyn and his peers to make their case that a strong and unified Islamic culture among immigrants is a clear and present **threat***» (Ibid.). Кроме этого автор упоминает о схожей мотивации у крестоносцев и некоторых современных европейцев: «*November 1095. Pope Urban II traveled to Clermont, in France, to launch the first Crusade against Islam. It was thus historically **resonant** when Jean-Marie Le Pen took up the cudgels against Islamic immigrants by limping into second place in the first round of the French elections. The Crusades were motivated by many things. Among the most significant was to affirm Christian and European identity in the face of Islamic cultural and military successes. A **similar motivation** underlies the tide of anti-Muslim sentiment. <...> Hence **the resonance** with Fortuyn and others*» (Ibid.).

В обеих ситуациях каузатором действий, производимых участниками, является их отношение к явлениям и событиям, следовательно, доминантой в рамках ситуаций является аксиологический компонент. Схематически причинно-следственные связи между основными компонентами моделей ситуаций можно представить в виде категориальной ментальной модели (см. рис.).

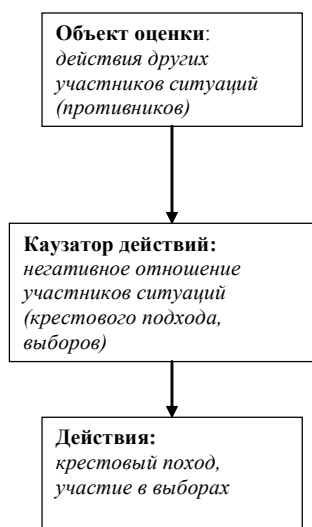

Рис. Категориальная ментальная модель

Дата включенного текста выступает в качестве риторического средства оказания воздействия на сознание реципиента: демонстрируя то, что некоторые явления общественно-политической жизни, например, бытующие в обществе представления об опасности, которую якобы несут представители иной культуры и религии, имели место и в Средние века, автор, таким образом, привлекает внимание к аналогичным современным явлениям. Этому также способствует то, что в качестве источника угрозы для европейцев, вызывающего агрессивное отношение в разные культурно-исторические периоды, выступают представители той же самой религии — ислама.

Взаимодействующие тексты являются знаками разных культурно-исторических периодов, которые разделяют сотни лет (средневековье и современность) и описывают события, характерные для определенной эпохи. Несмотря на различия между предметно-референтными ситуациями, к которым относятся включенный и при-

нимающий тексты, автор включает фрагмент проповеди в структуру публицистической статьи с целью выделения специфического признака участников как одного из компонентов ситуации. Таким признаком является нетерпимое отношение к представителям иной нации, иной культуры и религии.

Как отмечалось выше, этот признак участников современной ситуации является доминантой для автора статьи. Согласно своей интенции для ее выделения он использует фрагмент иного дискурса, относящегося к иному культурно-историческому периоду и связанного с совершенно иной ситуацией, участники которой при этом обладают таким же признаком. Это подчеркивает константный характер временной составляющей, неизменно функционирующей при интерференции дискурсов.

Фрагменты взаимодействующих дискурсов показывают, что участники передаваемых ситуаций, относящихся к разным культурно-историческим периодам, совершают разные действия (*призыв к участию в крестовом походе vs. голосование за националистическую партию на выборах*), но причина этих действий совпадает. Сопоставляя в процессе интерференции разные ситуации, чья специфика обусловлена эпохой, которой они принадлежат, и выделяя в них общий компонент, автор, таким образом, фиксирует на нем внимание реципиента. Участники передаваемых ситуаций совершают разные действия благодаря изменениям, произошедшим в информационном мире (окружающем субъектов) [2, с. 6]. Включая фрагмент публичной речи в современный публицистический дискурс, автор ставит перед собой цель продемонстрировать, что в совершенно разные эпохи люди могут обладать схожими взглядами и ими могут двигать схожие цели.

Библиографический список

1. Teun A. van Dijk. Racist Discourse // Encyclopedia of Race and Ethnic Studies / ed. by Ellis Cashmore. London: Routledge, 2004. P. 351–355.
2. Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

*A.A. Kharkovskaya, V.D. Shevchenko**

INTEERRELATION OF COGNITIVE FACTORS IN ENGLISH IMMIGRANTS' DISCOURSE

The results of research in the sphere of communication between the representatives of native English speakers and immigrants are discussed in the terms of modern discursive practices.

Key words: discourse, immigrants, ethnic and race factors, basic notions and cognitive models.

* *Kharkovskaya Antonina Alexandrovna* (aax2009@mail.ru), *Shevchenko Vyacheslav Dmitrievich* (swlash99@mail.ru), the Dept. of English Philology, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.